

и по Библии, в частности по Книге Паралипоменон. Что именно библейская часть «Соломоновой саги» занимала важное место в замысле скульптуры Дмитриевского собора, вытекает из того простого рассуждения, что только таким путем скульптура, включающая множество неканонических мотивов, могла быть допущена на фасад собора. Как бы ни был полновластен Всеволод III, но в условиях того времени не считаться с религиозной санкцией он не мог. Библия полностью оправдывала тему премудрого царя, каким считался Соломон. И она же давала богатейший материал для ее фантастической разработки. Достаточно вспомнить Книгу Премудрости Соломона, сочинение, по существу, апокрифическое,⁹ но вместе с тем входящее в Книги Ветхого Завета.¹⁰ Такие изречения Книги Премудрости, как «Множество мудрых — спасение миру, и царь разумный — благосостояние народа» (VI, 26) или «Сам он даровал мне неложное познание существующего, чтобы познать устройство мира и действие стихий... природу животных и свойства зверей, различных растений и силы корней» (VII, 17, 20), по существу могут объяснить не только замысел скульптуры Дмитриевского собора, но и форму его осуществления. Таким образом, полностью устраняются сомнения некоторых исследователей о возможности допуска апокрифов в декор собора.

Подсказанная Библией тема премудрости Соломона как губка впитывала в себя все, что содержала «Соломонова сага». На первом месте здесь стоит известное «Сказание о Соломоне и Китоврасе», переведенное на славянский язык еще до XIII в.¹¹ Знакомство мастеров Всеволода с этим сказанием подтверждается наличием в скульптуре Дмитриевского собора рельефов двух кентавров весьма любопытной иконографии. Головы кентавров увенчаны короной, у одного в руке заяц, другой схватил себя за хвост и размахивает мечом.¹² Такие образы, правда, известны в византийском искусстве малых форм,¹³ но ведь именно отсюда они и проникли в болгарские апокрифы, в частности в «Сказание о Соломоне».¹⁴ В западноевропейских вариантах сказания соперником Соломона выступает Морольф, смекалка которого испытывается зайцами. В славянских сказаниях появляется кентавр-Китоврас, меч становится его необходимым атрибутом.

XII век был веком перехода апокрифов в народную среду, в поэзию, возможно уже в духовные стихи, распространителями которых были калики перехожие.¹⁵ Занести болгарские апокрифы во Владимир могли те балканские мастера, которые участвовали в строительстве Дмитриевского собора.

«Сказание о Соломоне» было известно владимирским мастерам не только в славянской, но и в западноевропейской редакции. Об этом говорит фигурка зайца в руке одного из Китоврасов. Но еще лучше это видно по двум рельефам человекодракона, человеческий торс которого соединен с туловищем коня и хвостом змея.¹⁶ Нам не удалось найти аналогии этому

⁹ См.: Библия. Изд. 2-е, Русского библейского общества. Вашингтон, 1952, стр. 51 и сл.

¹⁰ См.: Библия. М., 1904, стр. 396 и сл.

¹¹ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 75—76.

¹² А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1. М., 1916, табл. 10, рис. 1, 2.

¹³ A. Goldschmidt, K. Weitzmann. Die Byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. I. Berlin, 1930, Taf. XV, 30f; LXX, 121.

¹⁴ А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, стр. 8.

¹⁵ Там же, стр. 161, 188.

¹⁶ А. А. Бобринский. Резной камень в России, вып. 1, табл. 9 и 10, рис. 2.